

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИИ И КАЗАХСТАНА: СТРАТЕГИИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

О.Г. Ечевская

ИЭОПП СО РАН,

*Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет*

*Исследование выполнено в рамках междисциплинарного
интеграционного проекта СО РАН № 146 «Трансграничные отношения
в азиатской части России: комплексная оценка преимуществ и угроз»
и экспедиционного проекта ИЭОПП СО РАН «Трансграничные
отношения в сибирских регионах: субъекты, формы и практики»*

Аннотация

Обсуждаются стратегии и формы осуществления международных образовательных программ в университетах России и Казахстана. На примере двух вузов – лидеров по показателям образовательной мобильности в своих регионах реализация программ международного сотрудничества рассмотрена на двух уровнях: на национальном (стратегия интернационализации высшего образования) и на уровне университета (конкретные программы в рамках стратегии). Выявлены и описаны стратегии интернационализации, реализуемые в системах высшего образования России и Казахстана, показаны ключевые риски их реализации (утечка кадров, асимметричность потоков образовательных миграций, региональная дифференциация). Сделан вывод о необходимости учета региональной дифференциации при разработке стратегических решений по развитию международного образования в России.

Ключевые слова: международное образование, академическая мобильность, трансграничные отношения, интернационализация высшего образования

Abstract

The paper considers the strategies and forms of international education programs realized by universities of Chita (Russia) and Almaty (Kazakhstan). We also consider how international cooperation programs are realized at the national level (a strategy for internationalization of higher education) and at universities (universities' programs) by two leading universities (according to educational mobility indicators). We describe the strategy for internationalization of higher education being realized by Russia and Kazakhstan and key risks of their realization (brain drain, asymmetric flows of educational migration, and regional differentiation). We can conclude that regional differentiation should be necessarily taken into consideration in making decisions on the development of international education in Russia.

Keywords: international education, academic mobility, trans-border relations, internationalization of higher education

Тематика мобильности и миграций в последние годы становится ключевым пунктом повестки дня в отечественных (см, например, [1]) и зарубежных социальных науках. Перемещение людей в пространстве – в поисках работы, образования, впечатлений, защиты, возможностей самореализации и т.д. – оказывается и важной частью повседневной жизни, и одним из ключевых ресурсов развития общества. А. Аппадурай [2] показывает, что в современных обществах важнейшими факторами социальных изменений становятся стремительно растущие масштабы мобильности (людей, идей, технологий, капитала, образов, перемещающихся сквозь границы государств), расширяющей границы жизненного пространства, а также новые медиа-формы, способствующие расширению границ мира, который можно увидеть и, не посещая, вообразить. Дж. Урри [3] предполагает, что современные виды мобильности «подрывают» социетальные границы и привычное (социологу) устройство общества, и предлагает манифест новой социологии, в фокусе которой различные виды мобильности и их

социальные последствия (а не социальные структуры и социальный порядок), для осмысления которых применяются различные метафоры движения, прежде всего «сети» и «потoki».

Хотя потоки людей, технологий, капитала, идей, образов легко пересекают территориальные и другие «привычные» границы, расширение пространства возможностей вовсе не означает их бесппроблемной реализации. Описывая состояние современных обществ, З. Бауман [4] отмечает, что ускорение социальных процессов, а также развитие средств, повышающих мобильность, делает «возможности перемещения» ключевым ресурсом и основным инструментом власти и доминирования. По мнению Баумана, растущая мобильность в современных обществах порождает как новые возможности, так и новые неравенства, и наиболее важными оказываются те из них, которые основаны на доступе к мобильности и на степени свободы перемещений в физическом и социальном пространствах.

Все сказанное в полной мере относится к академической мобильности и образовательным миграциям: открывшиеся возможности позволяют студентам и профессионалам выстраивать разнообразные образовательные траектории. Соответственно, растут интенсивность и разнообразие форм академической мобильности и образовательных миграций (индивидуальная мобильность и институциональные проекты по экспорту образования, долгосрочные и краткосрочные стажировки, совместные и модульные образовательные программы, сетевые формы академического взаимодействия и т.д.), и понимание современного образования уже невозможно без осмысления новых форм мобильности.

* * *

Государства сейчас оказываются в непростой ситуации, когда требуются осмысление и регулирование новых форм мобильности и занятости граждан, управление потоками людей и идей, а международное образование и академическая мобильность становятся залогом успешной интеграции в мировое научное и образовательное пространство, стратегическим ресурсом, но также и одним из ключевых рисков.

В социологической литературе доминируют две модели объяснения того, как организуются потоки международной образовательной мобильности: классическая экономическая модель выталкивания и притяжения и теория мировых систем [5]. Первая объясняет направления миграционных потоков в терминах установления равновесия между регионами с дефицитом рабочей силы и регионами, где существует ее избыток. Вторая предполагает, что направления потоков образовательных миграций определяются логикой организации мировой системы (ядро, полупериферия, периферия) и молодые люди, желающие получить хорошее образование, перемещаются с периферии в направлении ядра. Эти модели не противоречат друг другу и демонстрируют общую закономерность в направлениях образовательных миграций: лучшие кадры устремляются в поисках лучшего образования в более благополучные регионы, тем самым усиливая и без того существенный разрыв между благополучным ядром – центром притяжения молодых профессионалов и сравнительно неблагополучной периферией.

Однако анализ данных о фактических перемещениях студентов показывает недостаточность обеих моделей для объяснения образовательных миграций в современных обществах: некоторые устойчивые взаимосвязи и глубокие каналы¹ студенческой мобильности не объясняются полностью ни максимизацией прибыли агентами образовательного рынка, ни положением стран в мировой системе. Понятными они становятся в рамках историко-институциональной модели [6], в которой значимыми оказываются институциональная близость и старые колониальные связи между государствами. Как показывает М. Сафонова [5, 6], современные академические «империи» наследуют институциональную инфраструктуру старых политических образований, а культурная и институциональная близость между странами (созданная экспортом институциональных и культурных образцов)

¹ Глубокими называются те каналы, которые позволяют регулярно перемещаться большим потокам интернационально мобильных студентов. М. Сафонова [5] глубокими каналами международной студенческой миграции обозначает те, по которым перемещается не менее 30% всех интернационально мобильных студентов из страны-донора.

позволяет студентам сокращать транзакционные издержки на приобретение высшего образования. В таких условиях постсоциалистические государства оказываются встроенными и в сравнительно новую для себя среду стремительно развивающегося мирового образовательного рынка, и в систему старых взаимосвязей, унаследованную от «Советской империи». Россия оказывается и ядром, принимающим потоки студентов из бывших союзных республик (к примеру, по данным за 2007 г., 65% всех мобильных студентов из Казахстана и 57% – из Белоруссии учились в России), и полупериферией, экспортирующей большое количество студентов в страны ядра мировой системы (США, Великобританию, Германию, Францию и др.).

В фокусе настоящего исследования – стратегии интернационализации высшего образования и формы их реализации в международных образовательных программах университетов России и Казахстана. С одной стороны, между этими государствами существует множество взаимосвязей, выстроенных еще во времена «империи» и используемых сегодня для формирования единого экономического пространства. С другой стороны, оба государства заявляют о ключевом стратегическом приоритете образования вообще и международного образования в частности для собственного экономического, социального и культурного развития. Международное образование в таком контексте видится инструментом интеграции в мировое научное и образовательное сообщество, работает на повышение престижа страны на мировой арене и на формирование национальных элит, способствует накоплению человеческого капитала, который, в свою очередь, гарантирует государствам развитие «экономики знаний» в долгосрочной перспективе.

Процессы интернационализации высшего образования носят многоуровневый характер: глобальный, региональный, национальный, университетский, индивидуальный [7]. На глобальном уровне координация процессов интернационализации высшего образования осуществляется международными организациями. На региональном уровне регулятором интернационализации высшего образования является Болонский процесс. На национальном уровне интернациона-

лизация высшего образования регулируется государственными стратегическими и юридическими документами. Далее приоритеты, обозначенные в стратегических документах, проводятся в жизнь университетами, каждый из которых может разработать собственную схему осуществления стратегии, отраженную, как правило, в системе индикативных показателей.

В статье рассматриваются стратегии интернационализации высшего образования, принятые на национальном уровне, затем на данных эмпирических исследований анализируется реализация стратегий на уровне университетов. Полученные выводы представляют собой предварительные обобщения результатов исследований, проведенных в двух вузах – лидерах в своих регионах по показателям академической мобильности и международной деятельности: в Казахском национальном университете (КазНУ) им. Аль-Фараби и Забайкальском государственном университете (ЗабГУ)². Оба они являют собой позитивные примеры: в этих университетах международное образование входит в число приоритетных направлений развития, отделы международных связей и академической мобильности действуют эффективно, разработаны внутренние системы индикативных показателей, которые отражают различные измерения международной образовательной деятельности, большое число студентов участвуют в программах академической мобильности разного формата и длительности. В этом контексте основная задача статьи – показать на успешных (для своих регионов) примерах особенности, преимущества, риски реализации конкретных программ международной академической мобильности в рамках определенных стратегических задач.

В статье не ставится цели сравнить университеты или страны – и потому, что в отношении рассматриваемых кейсов трудно сказать,

² КазНУ (Алматы) является экспериментальной площадкой для внедрения образовательных инноваций. На момент проведения исследования он заключил 184 договора о сотрудничестве с иностранными университетами. ЗабГУ (Чита) реализует программы международного образования с 1970-х годов и имеет 80–90 договоров о сотрудничестве с университетами Китая, Украины, Беларуси, Казахстана, Вьетнама и других стран. С некоторыми из университетов выполняются совместные образовательные программы.

насколько каждый из них уникален или типичен для своей страны, и потому, что темы, затрагиваемые в интервью, касались как международной деятельности университета, так и ситуации в регионе в целом. Не имея возможности сравнивать кейсы, мы используем сравнительный взгляд для того, чтобы более ярко показать предмет исследования – взаимосвязь стратегий интернационализации высшего образования с формами и практиками реализации программ международного образования в университетах.

Информационная база исследования состоит из двух частей:

1) данных разведывательного исследования, проведенного в марте 2013 г. в КазНУ. Источниками информации послужили материалы экспертных интервью (со специалистами по международному образованию и академической мобильности – сотрудниками и руководителями соответствующих отделов в вузе, преподавателями, деканами факультетов и др.), а также индивидуальных интервью с выпускниками международных образовательных программ и групповых интервью со студентами вуза (старшие курсы);

2) материалов экспедиционного исследования, проведенного ИЭОПП СО РАН в Забайкальском крае в июне–июле 2013 г. Здесь также анализировались материалы экспертных интервью (со специалистами по международному образованию и академической мобильности ЗабГУ³ – сотрудниками и руководителями соответствующих отделов в вузе, преподавателями, проректором), а также данные индивидуальных и групповых интервью со студентами вуза.

В качестве дополнительных источников информации для анализа стратегий интернационализации высшего образования использованы стратегические и аналитические документы (стратегии развития образования, концепции образовательной и миграционной политики и др.).

³ На момент проведения исследования в ЗабГУ еще шел процесс формирования новой организационной структуры вуза вследствие его слияния 1 ноября 2012 г. с Забайкальским государственным гуманитарно-педагогическим университетом им. Н.Г. Чернышевского, поэтому международным образованием занимались два подразделения: отдел международного сотрудничества (гуманитарно-педагогический сегмент) и управление международных отношений («технический» сегмент).

* * *

Стратегии интернационализации выстраиваются с учетом ситуации, описанной выше (полупериферийная позиция страны на мировом образовательном рынке в сочетании с преимуществами «академического наследия империи»), и нацелены на то, чтобы по максимуму использовать преимущества и по возможности минимизировать риски, связанные с полупериферийным положением на мировом образовательном рынке. Применительно к высшему образованию в мировой практике выделяют четыре стратегии интернационализации [8].

1. **«Согласованный подход»** опирается на долгосрочные политические, культурные, академические цели развития страны. Такая стратегия реализуется через поддержку студенческой и академической мобильности – предоставление стипендий и осуществление программ академических обменов, а также программ, направленных на создание институциональных партнерств в сфере высшего образования. В основе подхода – международное сотрудничество, а не конкуренция.

2. **Стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы** направлена на привлечение избранных иностранных специалистов и талантливых студентов к работе в принимающей стране как средство обеспечения экономического развития и повышения конкурентоспособности страны в «экономике знаний». Основной инструмент в рамках данного подхода – система академических стипендий, дополненная активной программой продвижения системы высшего образования страны за рубежом в сочетании с принятием соответствующего визового и иммиграционного законодательства.

3. **Стратегия получения дохода** базируется на «согласованном подходе» и на стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы, но в ее рамках образовательные услуги предлагаются на полностью платной основе и не предусмотрено предоставление государственных субсидий. Иностранные студенты дают дополнительный доход образовательным учреждениям (которые в таком случае действуют на мировом образовательном рынке как предприниматели), а правительства предоставляют вузам значительную автономию, обес-

печивают высокую репутацию отечественной системы высшего образования и высокую степень защиты иностранным студентам.

4. **Стратегия расширения возможностей** поощряет получение высшего образования за рубежом или в вузах – поставщиках иностранных образовательных услуг. Важными инструментами такого подхода являются: а) программы поддержки академической и профессиональной мобильности государственных служащих, профессорско-преподавательского состава, ученых и студентов (при условии возвращения специалистов после пройденного обучения и применения приобретенных навыков в своей стране); б) обеспечение иностранным вузам, участникам программ и преподавателям благоприятных условий для коммерческой образовательной деятельности в стране.

Анализ стратегических документов и международных образовательных программ показывает, что Россия и Казахстан осуществляют разные стратегии интернационализации: в России реализуется версия «согласованного подхода» (с приоритетом системы образования внутри страны), в Казахстане – стратегия расширения возможностей. Это во многом определяет и цели образовательных программ, и способы достижения результатов, и показатели результативности выполнения поставленных стратегических задач.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [9] поддержка и развитие академической мобильности определены в качестве отдельной приоритетной задачи. Выполнение этой задачи включает предоставление академических стипендий и поддержку мобильности отечественных ученых и студентов, привлечение иностранных студентов, создание трансграничных образовательных программ и институциональных партнерств. Мобильность студентов и профессионалов, согласно концепции, должна способствовать развитию человеческого потенциала, приносить дивиденды в виде доходов от экспорта образовательных программ или конкурентных преимуществ, получаемых благодаря привлечению квалифицированных кадров, и повышать престиж и привлекательность страны на международном образовательном рынке.

Описанная стратегия вполне укладывается в рамки «согласованного подхода», но в ее реализации имеются некоторые нестыковки.

Так, в настоящее время наблюдается асимметричность потоков образовательных миграций, а количество иностранных студентов в российских вузах и организациях среднего профессионального образования невелико. Сегодня в Российской Федерации обучается примерно 3% от общей численности иностранных студентов, обучающихся в организациях профессионального образования мира. Экспорт российских образовательных услуг падает и в настоящее время составляет менее 1% общемирового экспорта услуг такого рода [10]. Контингент иностранных студентов в российских вузах в существенной части формируется за счет студентов из бывших союзных республик («наследие империи»), а позиции России на мировом образовательном рынке пока выглядят весьма скромно.

Дисбаланс существует и на внутреннем рынке образовательных услуг. Исследования [11–13] демонстрируют, что неравномерность социально-экономического положения регионов Российской Федерации приводит к тому, что для одних регионов (по социально-экономическим показателям более привлекательных для жизни) образовательные миграции оказываются конкурентным преимуществом, для других – вызовом, усиливающим негативные последствия социально-экономического неравенства и способствующим его закреплению. В Сибирском регионе, в частности, наблюдается двойная асимметричность потоков студенческих миграций, которая ведет к удвоению потерь для региона⁴.

Можно сказать, что внутри страны воспроизводится микромодель «логики мировой системы», в которой движение квалифицированных кадров и молодежи, стремящейся получить хорошее образование, на-

⁴ Понятие двойной асимметрии описывает феномен «двойной утечки» кадров: через внутреннюю и внешнюю границы. Выпускники сибирских вузов по завершении образования уезжают в «центр» (Москву, Петербург), а иностранные студенты – граждане приграничных государств либо едут домой вскоре после получения диплома, поскольку приобретенный уровень образования позволяет иметь намного больше ресурсов и возможностей в своей стране, либо пополняют миграционный поток, направленный в столицу России. Таким образом, вузы Сибири постепенно превращаются в кузницу квалифицированных кадров «на экспорт», как для «центра» России, так и для приграничных стран. Подробнее об этом см. в работе [14].

правлено от периферии к центру, от менее развитых регионов к более развитым и тем самым способствует еще большему усилению центра и ослаблению периферии. Это признается и в Концепции государственной миграционной политики РФ: «Неблагоприятные тенденции наблюдаются во внутренних миграциях... Причины обусловлены большими издержками на переселение, неразвитостью транспортной сети, ограниченностью рынка арендуемого жилья, высокой стоимостью жилья и его аренды, низкими доходами большей части населения. Основным вектором межрегиональных внутренних миграций остается движение с Востока в Центр и в Московский регион, что усиливает дисбаланс в распределении населения по территории Российской Федерации» [9].

В описании мероприятий по реализации целей концепции присутствуют общие формулировки о необходимости совершенствования законодательства и учета задач государственной миграционной политики при формировании региональных бюджетов. Вопрос о том, каким конкретно образом региональная специфика может быть учтена при высокой централизации механизмов принятия решения, остается пока открытым⁵. Но если ответ на него не будет найден, возможность эффективной реализации избранной стратегии развития образования на уровне страны в целом может быть поставлена под сомнение.

Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. [16] в качестве приоритетных задач определяет развитие национальной системы высшего образования и интеграцию в европейскую зону высшего образования. Решение таких задач предполагает вхождение в ключевые мировые рейтинги (в частности, вхождение по меньшей мере двух вузов Казахстана в рейтинги лучших мировых университетов), увеличение числа публикаций профессорско-преподавательского состава вузов страны в международ-

⁵ В проекте государственной программы развития образования в РФ на 2013–2020 гг. также признается важность проблемы социально-экономического регионального неравенства, и в качестве инструмента решения этой проблемы предложена «поддержка региональных систем образования в обмен на обязательства по модернизации» (подробнее см. [15]).

ных журналах с импакт-фактором, повышение квалификации профессорско-преподавательского состава и т.д.

Подавляющее большинство задач программы нацелено на развитие внутреннего образовательного рынка и расширение образовательных возможностей внутри страны. Если в составе российских стратегических документов в сфере образования экспорту образовательных услуг посвящен отдельный подробный документ, то здесь «увеличение объемов и структуры экспорта образовательных услуг системы образования страны» присутствует только как задача из второй половины списка долгосрочных задач (реализация которых планируется к 2020 г.). Задачи же на ближайшую перспективу связаны с расширением внутренних возможностей образовательного рынка Казахстана, и первым среди ожидаемых результатов программы обозначен следующий: «к 2015 году... система образования Республики Казахстан по структуре, содержанию, механизмам управления и финансирования будет соответствовать модели развитых стран. По развитости системы образования Казахстан выйдет на лидирующие позиции среди стран СНГ⁶» [16].

Программные задачи и система мер для их выполнения, представленные в документе, позволяют сделать вывод о реализации в Казахстане четвертого из описанных выше подходов – стратегии расширения возможностей (внутренних). Международное образование в рамках такого подхода представляет собой прежде всего инструмент формирования национальных элит и повышения квалификации профессионалов и работников образования. Следовательно, важен не только сам факт включения студентов, выпускников вузов и преподавателей в программы международного образования, но также их возвращение в Казахстан по завершении обучения и применение ими полученных навыков в своей стране.

⁶ Для сравнения: в качестве основных результатов реализации программы развития образования в РФ для студентов прописаны гарантии трудоустройства для обучающихся по приоритетным направлениям подготовки, мотивация и стимулирование, возможность получить образование высшего качества в России благодаря созданию совместных программ с ведущими международными университетами [15].

То, насколько острой может быть проблема использования международного образования как канала мобильности «из страны», показала история реализации программы «Болашак». Программа была учреждена указом президента Республики Казахстан в ноябре 1993 г. и изначально нацелена на развитие образования в Казахстане. Эта программа позволяет студентам, отобранным на конкурсной основе, получить образование за рубежом за счет государства, но в соответствии с ее правилами выпускник после завершения обучения обязан вернуться на родину и приступить к непрерывной пятилетней трудовой деятельности в Казахстане⁷. В качестве гарантии возвращения стипендиаты оставляют в залог недвижимость (собственную или родителей/родственников); договор об обучении вступает в силу только после государственной регистрации договора залога недвижимого имущества⁸. Однако даже при таких серьезных требованиях гарантий организаторы программы столкнулись с проблемой утечки кадров.

В 2011 г. программа «Болашак» была серьезно реформирована, поддержка обучения в бакалавриате по программе прекращена и акцент смещен на подготовку магистров и докторов PhD. В официальных документах реформа обосновывается сменой стратегических приоритетов, но многие наши информанты связывают прекращение поддержки бакалавриата именно с высоким процентом «невозвращенцев». *«Бакалавриат по “Болашаку” сейчас закрыли, они же совсем молодые ехали, быстро привыкали к хорошей жизни, после чего вернуться их уже не заставить. Больше всего по бакалавриату была утечка. Сейчас только магистратура и другие программы, бакалавриат они должны закончить здесь, ну чтобы повзрослели немножко и на ноги встали в Казахстане и потом уже ехали дальше»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел академической мобильности КазНУ).

В целом можно говорить о том, что программа «Болашак» в основном решает задачи, под которые она была создана. Несмотря на то что

⁷ Другой вариант занятости – работа в органах дипломатической службы Республики Казахстан за рубежом по специальности, полученной в рамках международной стипендии «Болашак».

⁸ Подробнее об условиях программы см. в работе [17].

для части стипендиатов программа оказывается каналом мобильности и инструментом построения карьеры за рубежом, большинство выпускников, обучавшихся по программе, выполняют свои обязательства перед государством⁹.

Ситуация с утечкой студентов в ЗабГУ выглядит едва ли не противоположной: отъезд студентов за рубеж не представляется серьезной проблемой – отчасти потому, что пока не наблюдается их массового оттока по каналам программ международной мобильности, отчасти потому, что намного серьезнее ощущается проблема нехватки абитуриентов, особенно на «непопулярных» специальностях (филология, педагогика и др.). *«Нехватка контингента чувствуется, все работают на контингент, в первую очередь на свой... Я семь лет работал в приемной комиссии и могу с уверенностью сказать, что лингвистическое направление самое востребованное – китайский, английский. А вот с филологией и европейскими языками всегда были большие проблемы, каждого абитуриента друг у друга выхватывали»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Более того, иногда имеющиеся примеры студентов, проходящих обучение за рубежом, оказываются сильным аргументом в борьбе за абитуриента «на месте» в условиях оттока городских школьников в другие вузы региона и России в целом. ***«В Казахстане нам много говорили о том, что студенты бакалавриата уезжают, быстро привыкают к хорошей жизни и вернуть их – большая проблема. А у вас... – А зачем их возвращать? Это, наверное, для ведущих вузов***

⁹ Цифры, озвученные в докладе министра образования Республики Казахстан в апреле 2013 г., позволяют (с определенными оговорками) оценить и эффективность программы, и масштабы утечки кадров. Так, с 1994 по 2013 г. всего предоставлено 9250 стипендий, выпуск составил 5714 чел., а в настоящее время 2796 стипендиатов проходят обучение в 33 странах мира [18]. Разница между числом предоставленных стипендий и количеством выпускников и нынешних стипендиатов составляет 740 чел. Вероятно, примерно таков масштаб утечки кадров, судя по официальным данным программы. Сегодня в госсекторе работают свыше 20% всех выпускников, в национальных компаниях и компаниях с государственным участием – 21%, в международных организациях и НПО – 4%, остальные – в частных компаниях [18].

проблема, а у нас нет проблемы такой, у нас проблема – рейтинг вуза... Когда я пришла [на эту должность], первая проблема была – деньги, вторая – поднять рейтинг вуза. Статус вуза в рейтинговых системах страны прежде всего... Для этого нам нужно было: центр превосходства, языковые кафедры и так далее. Ну и нужно было получить доступ к международным грантам и договорам... Я своим художникам [студентам художественно-графического факультета] говорю, что они все должны стать миллионерами – неважно где и потом 10% университету в фонд [эндаумент] отдать» (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).

«Обещание мобильности» оказывается конкурентным преимуществом для вузов, расположенных в регионах, менее привлекательных для жизни, особенно при наборе абитуриентов на «непопулярные» специальности. «...Они когда поступают, они уже знают, какие программы мы предлагаем, за какой счет они едут. Мы ищем им стажировки бесплатные, в магистратуре тоже, стипендиальный фонд расширяем. Это уже не те времена, что раньше, когда родители отправляли, ситуация серьезно изменилась. И нам с такой репутацией легче конкурировать с другими вузами» (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ)

Прежде чем перейти к рассмотрению того, как реализуются программы международного образования и академической мобильности на уровне университета, сформулируем промежуточные выводы относительно стратегий интернационализации высшего образования на национальном уровне.

Россия и Казахстан реализуют разные стратегии интернационализации высшего образования. Россия воплощает вариант «согласованного подхода», в рамках которого приоритетными задачами являются интеграция (в мировое образовательное сообщество, в том числе за счет экспорта российского образования), создание совместных программ и институциональных партнерств с ведущими университетами мира. В настоящее время контингент иностранных студентов в России велик благодаря «наследию империи», позиции же российского образования на международном рынке образовательных услуг пока

нельзя назвать лидирующими. Реализация «согласованного подхода» направлена на устранение этого дисбаланса.

Стратегия, осуществляемая Казахстаном, представляет собой версию стратегии расширения возможностей, и в числе приоритетных задач – те, которые направлены на развитие системы образования в самой стране, на повышение квалификации кадров (за счет стажировок профессорско-преподавательского состава и привлечения иностранных специалистов). Выбор такой стратегии является в каком-то смысле естественным, если принимать во внимание донорскую позицию Казахстана в системе «старой империи» (в отличие от России Казахстан не имел преимуществ, связанных с институциональным и культурным экспортом, и теперь систему образования страны приходится выстраивать с большими вложениями).

При претворении в жизнь стратегии расширения внутренних возможностей ключевой проблемой оказывается удержание молодых профессионалов на территории страны. В Казахстане эта проблема решается при помощи материальных и финансовых инструментов. Россия, реализуя вариант «согласованного подхода» в интернационализации образования, сталкивается с проблемами неравенства возможностей и дифференциации уровня жизни внутри страны, в ее регионах, что не позволяет обеспечить равный доступ к образованию как за пределами страны, так и внутри нее. Таким образом, успешное осуществление стратегии интернационализации образования невозможно без решения внутренних проблем, без создания эффективных механизмов учета региональной дифференциации при выработке и реализации стратегических решений.

* * *

В последние годы показатели международной деятельности становятся важной частью системы показателей качества образования в университетах в целом. Решение стратегических задач содействия международной образовательной мобильности в вузах находит отражение в системах индикативных показателей, которые, с одной стороны, задают приоритетные направления деятельности, с другой – поз-

воляют контролировать процесс выполнения стратегических задач и оперативно реагировать в том случае, если с каким-то из направлений что-то пойдет не так.

И Казахстанский национальный университет, и Забайкальский государственный университет имеют собственные системы показателей, самостоятельно разработанные, запатентованные, в разной степени детализированные, отражающие самые разные составляющие международной деятельности. В показателях отражены численность иностранных студентов разных категорий, студенческая и преподавательская мобильность, количество договоров о сотрудничестве с иностранными университетами, наличие совместных программ, экспорт образовательных услуг, количество публикаций в журналах, входящих в мировые системы цитирования, и т.д. Способы же реализации мероприятий, относящихся к международной деятельности, и выхода на выполнение плановых показателей в ЗабГУ и КазНУ различаются существенно. Рассмотрим их подробнее.

Международная деятельность в ЗабГУ началась еще в 1970-х годах, и существенная часть показателей по сотрудничеству с вузами других стран и сегодня достигается за счет контактов, выстроенных еще во времена «старых империй». *«Наш университет вообще впереди планеты всей по международному образованию, ну в регионе так точно. У нас вся эта деятельность началась, наверное, в 1970-х годах, когда никто еще не знал, что это и как это делать, а к нам приехала первая группа студентов из Монголии... Не было ни программ грантовых, ничего, а они такие связи выстроили, которые до сих пор работают»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Отчасти старые связи, отчасти специфика географического расположения и трансграничный характер региона задают набор стран, взаимодействие с которыми осуществляется наиболее плотно. *«... У нас обучалось до 280 студентов, это огромная цифра по региону. Безусловно, Китай – основной поставщик, ну и есть разовые – Корея, Вьетнам, Япония. Европейское направление не очень хорошо представлено ввиду географической отдаленности, никто особо не ездит: дороговато и далеко. Они предпочитают осесть где-то*

до центра России, на западе» (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Язык является и ресурсом, и барьером в выстраивании международной образовательной деятельности. С одной стороны, русский язык оказывается весомым аргументом в привлечении студентов как с постсоветского пространства, так и из других стран (прежде всего из Китая). Языковые курсы разной длительности позволяют университету и зарабатывать деньги, и демонстрировать стабильно высокие показатели численности иностранных студентов, обучающихся в университете. *«Если раньше мы обучали по программе “два и два” (два года здесь обучались, два года – там, получали два диплома), то теперь в структуре контингента число слушателей курсов увеличилось, – нам нужно было быстро заработать... И для этого нужно было их за месяц, три, шесть, девять месяцев быстро обучить [на языковых курсах]. Они потом сдают русский язык как иностранный и уезжают в другие города России либо возвращаются домой... Ну и в этом году этот контингент стал особо значим для определения эффективности вуза и поэтому в вузе для руководства стал необходим. Поэтому мы будем стремиться увеличивать их количество»* (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).

С другой стороны, уровень владения иностранными языками у самих преподавателей университета остается не самым высоким, что ограничивает возможности выхода на полноценное сотрудничество с европейскими университетами-партнерами. *«Европейское направление сотрудничества у нас слабо, конечно, представлено. Но и уровень знания французского, немецкого и вообще европейских языков у нас как-то в крае не очень хороший. Это связано, наверное, с политикой трансграничного региона и приоритетами лингвистического направления – китайским и английским. В техническом сегменте, к сожалению, с языками еще хуже»* (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Анализируя показатели международной деятельности Забайкальского государственного университета, мы снова видим ситуацию, которую ранее обозначили как «микромодель мировой системы». Формально показатели академической мобильности студентов и профессорско-препода-

вательского состава вуза и численности иностранных студентов находятся на весьма высоком уровне, даже в сравнении с общероссийскими. Содержательно же оказывается, что спектр дисциплин и стран, по которым осуществляется исходящая мобильность студентов и преподавателей, широк, но контингент иностранных студентов, приезжающих учиться в университет, состоит отчасти из тех, кто приезжает по глубоким каналам, унаследованным от «старых империй», а в основном – из слушателей краткосрочных языковых курсов. **«Вот я смотрю на таблицу показателей и вижу, что вот за 2011 год показатели выполняются за счет, как вы говорите, “сторонних бизнес-процессов”: курсы русского как иностранного, и плюс академическая мобильность, презентация и разработка программ, презентация материалов на сайте... А показатели вовлеченности (в особенности иностранцев) в нашу жизнь оказываются занижены относительно ожидаемых... – Ну да, такой вот у нас пока перекос»** (фрагмент интервью с экспертом, отдел международного сотрудничества ЗабГУ).

Привлечение иностранных специалистов затруднено с обеих сторон предполагаемого партнерства, и те контакты, которые в итоге складываются, вырастают в большинстве случаев из личных связей преподавателей. **«Да, получается, что европейская система предполагает, что есть предел, сколько часов преподаватель может работать, и больше они не возьмут. Получается, что кафедра сама должна быть обеспечена часами, а сами понимаете... Вот и получается, что все выстраивается на личных связях: преподаватели приезжают, и потом уже сюда, на долгих связях, приезжают люди из Франции, Германии... И вроде как надо повышать престиж наши, чтобы нас там знали, но и руководство неохотно идет навстречу партнерствам с Европой – то ли с дороговизной это связано, то ли с чем, я не знаю. Но надо это направление охватить. Понятно, что Китай Китаем, мы с ними работали и будем работать, потому что они сами заинтересованы. Но надо выходить и на европейский уровень тоже»** (фрагмент того же интервью).

Средние показатели по университету также формируются неравномерно: одни факультеты являются «поставщиками» статей в журналы, включенные в базы данных SCOPUS и Web of Science, другие – источником финансовых средств, третьи выполняют нормативы по преподаванию за рубежом, четвертые «поставляют» договоры о сотрудничестве с иностранными вузами. В настоящее время, отчасти благодаря слиянию двух вузов, начинается работа по ревизии существующих договоров и по содержательной оценке того, что кроется за усредненными статистическими показателями. Пока же общее впечатление о том, как функционирует международное образование в ЗабГУ, отражает следующая цитата: *«Институционально у нас ничего не решается, если денег нет... Сначала деньги, потом стулья. А так – все держится на людях, только на людях»* (фрагмент интервью с экспертом, ректорат ЗабГУ).

Казахстанский национальный университет демонстрирует пример очевидного, активного участия государства в развитии международного сотрудничества вуза. Стратегия расширения возможностей предполагает, что программы международного образования должны работать на развитие национальной системы образования, и в вузе существует множество программ академической мобильности, финансируемых государством. Вот только те из них, которые упоминаются практически в каждом интервью:

- программа «Болашак». Распространяется на магистрантов, докторов PhD и преподавателей;
- магистратуры по всем специальностям. Предполагают 10-дневную стажировку в зарубежном университете для каждого магистранта;
- программа PhD. Реализуется в формате «sandwich» (часть времени обучение проходит в зарубежном университете);
- программа УШОС (Университета Шанхайской организации сотрудничества, основное направление – Россия);
- система учета кредитов, полученных студентом во время стажировок в зарубежных университетах (краткосрочные стажировки по Болонской схеме на конкурсной основе);

- фонд поддержки студенческой и преподавательской мобильности, программа приглашения ведущих иностранных специалистов и т.д.

Проблемы развития международного сотрудничества в КазНУ во многом сходны с теми, что стоят перед ЗабГУ: сложности в подготовке публикаций на английском языке, дисбаланс потоков мобильности из университета и в университет, критичное и зачастую формальное отношение к индикативным показателям, приоритетность количества договоров о сотрудничестве, а не содержательного наполнения сотрудничества и т.д. В частности, к системе индикативных показателей высказывалось много претензий (она крайне детализирована – занимает более 10 страниц, отчетность по ней требует нескольких рабочих дней, а многие показатели формальны и не отражают содержательного продвижения в качестве образования). При этом информанты с неохотой признают, что плюсов в «индикативе» не меньше, чем минусов: *«Ну конечно, есть плюсы, конечно, хоть и трудно это, и времени требует, и не все справляются. Но индикативные показатели мотивируют и подстегивают. И программ сейчас стало много, преподаватели на стажировки стали ездить, договоры привозить, и статьи стараются писать. Это и для престижа университета хорошо, и для людей выгодно... А минус основной в том, что мы не можем сами для себя определять нормативы. Ну вот, например, я знаю, что по моей кафедре никто не напишет статью уровня SCOPUS, а в индикативных показателях есть строчка – надо ставить как минимум единицу, потому что там пишется то, к чему мы стремимся. А мы же не можем к нулю стремиться! А потом получается: нормативы не выполняем, на плановые показатели не выходим...»* (фрагмент интервью с экспертом, декан факультета, КазНУ).

При сходстве систем индикативных показателей логика их формирования и достижения плановых показателей в двух вузах противоположная. В одном случае многое в сотрудничестве с иностранными университетами-партнерами выстраивается на личных связях, инициируется «снизу» и держится на энтузиазме, в другом – основные направления международного сотрудничества предполагают государ-

ственное финансирование, формализованы, требуют гарантий и трудоемкой отчетности, но становятся все более доступными. Какая из стратегий окажется эффективнее – покажет время.

* * *

Масштабы международной мобильности студентов и преподавателей в современных обществах растут стремительно и в ближайшее время будут только увеличиваться. Соответственно, появляются и развиваются разные программы и формы реализации программ академической мобильности и международного образования, складываются различные стратегии взаимодействия государств на мировом образовательном рынке.

Мы рассмотрели две стратегии интернационализации образования на уровне государств – «согласованный подход» и стратегию расширения возможностей, показали основные риски, связанные с их реализацией. Для осуществления стратегии расширения возможностей в Казахстане основным вызовом является утечка кадров, в России для успешной реализации «согласованного подхода» необходимо решать проблемы региональной дифференциации и асимметричности потоков профессиональной и образовательной мобильности внутри страны (усиление центра, ослабление периферии, производство кадров на экспорт и т.д.).

На уровне университетов стратегии находят отражение в системах индикативных показателей, которые имеют как безусловные плюсы (стимулирование профессорско-преподавательского состава, возможность отслеживать различные направления деятельности и оперативно реагировать на изменения), так и очевидные минусы (формализм, негибкость, т.е. нечувствительность к специфике предмета, зачастую количественный подход в выполнении показателей при вторичной значимости качества и содержания деятельности).

Реализация стратегии расширения внутренних возможностей в Казахстане сопровождается развитием программ и мероприятий

академического сотрудничества, ориентированных на университеты мирового уровня и финансируемых государством.

Реализация «согласованного подхода» в России пока зачастую наталкивается на недостаток финансирования программ международного сотрудничества (речь здесь, разумеется, не идет о крупнейших вузах федерального значения). Исследование показало, что региональный университет, территориально отдаленный от мировых образовательных «империй», вынужден выстраивать международную деятельность на «наследии академической империи» и энтузиазме, используя личные связи и опираясь на заинтересованность приграничных государств. Такая ситуация напрямую связана с нерешенными внутренними проблемами страны, прежде всего с проблемами неравномерности социально-экономического развития регионов. В периферийных регионах одним из эффектов возрастающей мировой мобильности оказывается воспроизводство системных проблем, требующих комплексного и дорогостоящего решения. При всей сложности задачи поиск регионально специфических решений необходим, – только в таком случае регионы России получают возможность развиваться благодаря, а не вопреки академической мобильности и образовательным миграциям.

Литература

1. **Зайончковская Ж.А.** Федеральные округа на миграционной карте России // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 4 (76). – С. 3–18.
2. **Фурс В.** Арджун Аппадурай. «Современность» на просторе: культурные измерения глобализации // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 4. – С. 57–66.
3. **Урри Дж.** Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М.: ИД ВШЭ, 2012. – 336 с.
4. **Бауман З.** Глобализация: последствия для человека и общества. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
5. **Сафонова М.** Институционально-исторические основания системы международной студенческой мобильности // Социология науки и технологий. – 2012. – № 1. – С. 98–121.
6. **Сафонова М.** Академическое наследие империй: куда текут потоки международной студенческой миграции? // Ab Imperio. – 2011. – № 2. – С. 261–299.
7. **Интернационализация** высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего. – М.: Логос, 2010. – 280 с.

8. **Обзор** европейского опыта интернационализации высшего образования. – Харьков: Изд-во НУА, 2010. – 56 с.

9. **Концепция** государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/15635> (дата обращения 20.07.2012).

10. **Концепция** экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. // Вестник международных организаций. – 2010. – № 1. – С. 96–106.

11. **Гомбоева М.И., Новиков А.Н.** Трансграничная асимметрия: понятие и следствия // Трансграничье в изменяющемся мире: Россия – Китай – Монголия (теория трансграничья, сравнительное гражданское право, трансграничное образование, прикладные исследования). – Чита: Забайкальск. гос. гум.-пед. ун-т, 2010. – С. 9–16.

12. **Гомбоева М.И.** Высшее трансграничное образование: возможности, риски и перспективы // Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. – Новосибирск: Наука, 2012. – С. 308–316.

13. **Академическая** мобильность в условиях интернационализации образования. – М.: Университетская книга, 2009. – 460 с.

14. **Ечевская О.** Академическая мобильность и образовательные миграции в Сибири: проблемы и перспективы // Экономика. Вопросы школьного экономического образования. – 2012. – № 3. – С. 3–9.

15. **Государственная** программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы. – URL: http://минобрнауки.рф/документы/3409/файл/2228/13.05.15-Госпрограмма-Развитие_образования_2013-2020.pdf (дата обращения 01.08.2013).

16. **Государственная** программа развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы. – RL: http://www.kgu.kz/doc/strateg_doc/5_GPRO_RK.pdf (дата обращения 31.07.2013).

17. **100** вопросов о программе «Болашак». – URL: http://shymkent.gov.kz/ru/images/bolindermaterial/bolahak_2012.doc (дата обращения 01.08.2013).

18. **С начала** реализации программы «Болашак» в Казахстане присуждено более 9 тыс. стипендий. – URL: <http://www.primeminister.kz/news/show/22/s-nachala-realizatsii-programmy-%C2%ABbolashak%C2%BB-v-kazahstane-prisuzhdeno-bolee-9-tys-stipendij-mon-rk-/16-04-2013> (дата обращения 01.08.2013).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 01.10. 2013 г.